

ливого человека — ровная и гладкая, злого и несчастного — драная и покрыта узлами. В Первой Песни о Хельги так описано прядение судьбы рождающегося героя:

*Ночь была в доме,
норны явились
судьбу предрекать
властителю юному;
судили, что он
будет прославлен,
лучшим из конунгов
прозван будет.*

*Так нить судьбы
пряли усердно,
что содрогались
в Бралунде стены;
нить золотую
свили и к небу —
к палатам луны —
ее привязали...*

Божественные пряжи, прядущие нити судеб, известны в магических и религиозных традициях всех индоевропейцев. Сравните, например, со сказанным греческие представления о трех *мойрах*, две из которых — Клото и Лахезис — прядут нить жизни, а третья — Атропа — обрезает ее. Как и скандинавы, греки, говоря о героях, вспоминали их нити судеб: «ему же так некогда мойра сильная напряла рождающемуся нитью» (Гекуба о Гекторе).

Славянская мифология — не исключение; здесь функцию норн выполняет Макошь, чье имя допускает интерпретацию «Мать Жребия» или «Мать Судьбы»⁶. Любопытно, что культ Макоши сохранился после крещения Руси гораздо лучше культов других богов и дожил до нашего столетия. Изменилось лишь имя: ту, кого раньше называли Макошью, после крещения стали именовать Святой Пятницей. Сохранилось практически все: и память о связи богини со священным источником у корней Древа (сравн. посвящение св. Пятнице священным источникам — *проиц*),

⁶ От древней основы *кош* — «жребий», «судьба». См.: Б. А. Рыбаков. *Язычество древних славян*. М., 1981.